

такого широкого спроса, однако способные занять свою нишу рынка и расширить доступный ассортимент продукции для конечного покупателя.

Литература

1. Российский агропромышленный сервер // Растениеводство. – URL: <http://agroserver.ru/articles/ф172.htm> (дата обращения: 8.04.2013).
2. Регионы России // Марий Эл: сельское хозяйство. – URL: http://www.ru.all.biz/regions/?fuseaction=adm_oda.showSection&rgn_id=12&sc_id=6 (дата обращения: 8.04.2013).
3. Портал сельского хозяйства России и мира // Растениеводство в России. – URL: <http://www.agroacadem.ru/?p=3326> (дата обращения: 8.04.2013).
4. Портал Сельского хозяйства России и мира // Индийская пшеница. – URL: <http://www.agroacadem.ru/?p=7730> (дата обращения: 8.04.2013).
5. Агрохолдинг Союз // Характеристика пшеницы: яровая, озимая, твердая, мягкая. Сорты пшеницы. – URL: http://agrogold.ru/harakteristika_pshenicy_yarovaya,_ (дата обращения: 8.04.2013).
6. Анализ рынка пшеницы в России в 2007–2011 гг.: прогноз на 2013–2016 гг. – М. Businesstat, 2012. – С.2.
7. Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/ (дата обращения: 10.04.2013).
8. Сельское хозяйство, охота и лесоводство Республики Марий Эл: стат. сб. 2012 г. / Федеральная служба государственной статистики. – 2012.

УДК 352.07(571)

П.В. Сорокун

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ СИБИРИ В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ (1925–1930 гг.)

Статья посвящена деятельности местных органов власти на территории Сибирского края в области народного образования и культуры в 1925–1930 гг. Особое внимание уделяется работе местных органов власти в образовательной сфере в сельской местности.

Ключевые слова: народное образование, местное управление, Советы, исполкомы, окрисполкомы.

P.V. Sorokun

HISTORICAL ESSAY OF SIBERIAN LOCAL AUTHORITY ACTIVITY IN THE EDUCATION AND CULTURE DEVELOPMENT (1925-1930)

The article is devoted to the local authority activity on the Siberian region territory in the field of public education and culture in 1925-1930. Particular attention is given to the local authority work in the field of education in rural areas.

Key words: public education, local government, Soviets, executive committees, district executive committees.

Под воздействием процессов ускоренной индустриализации народного хозяйства и насильственной коллективизации крестьянства в обществе происходили значительные социальные перемены, наиболее существенные в развитии образования и культуры.

Уполномоченный Наркомпроса Сибири по народному образованию А.Я. Голышев на Первом краевом съезде Советов Сибири отмечал: «Когда Сибирский край вступает в новую полосу своего хозяйственного развития, в полосу индустриализации, народное просвещение ставится в одну шеренгу с наиболее ударными задачами нашего государственного строительства..» [1, с.57]. В ходе выступления других делегатов на данном съезде было замечено, что для подъема сельского хозяйства и развития промышленного производства не хватает грамотных людей. Так, например, высказывались крестьяне: «Дайте нам командный состав для ведения сельского хозяйства..», «нет агрономов, землемеров, землеустроителей, ветеринаров..» [1, с.108]. Население Сибири все больше и больше понимало, что только на основе знаний можно перестроить свое отсталое хозяйство.

Со стороны государства были созданы попытки воссоздать новый культурный уровень населения, ориентируясь на идеологические догматы. Создавая данный уровень, местные органы власти должны были охватывать все слои населения – городское и сельское, а для его полноценного успешного развития и распространения необходимо было решить актуальные проблемы, с которыми было трудно справиться за короткие сроки.

В планах развития культурного уровня стояло: 1) развитие начального образования в условиях подготовки к Всеобучу; 2) ликвидация неграмотности взрослого населения.

Несмотря на то, что с 1923 г. произошло снятие школ с государственного обеспечения, местным органам власти в результате самообложения населения, введения платности за обучение, сбора средств от торговой и производственной деятельности и отчислений из местных бюджетов удалось увеличить городскую школьную сеть и привлечь в них большее количество учащихся. Но средств бюджета не хватало, из года в год повышение ассигнований бюджета на образование было незначительным. Ассигнования по бюджету давали возможность в 1925–1926 гг. расходовать на душу населения 1 рубль 60 копеек, в то время как в 1924 г. на душу населения израсходовалось 1 рубль 20 копеек. Так, например, в Красноярском округе, в городе Красноярске на 60 тысяч населения в 1926 г. работало всего две больницы с 350 койками, также два родильных дома на 60 мест и 5 амбулаторий при 23 кабинетах. Л.П. Бердников описывал: «В городе работало всего 19 школ, где обучалось около 6 тысяч детей, 2 детских сада на 173 места, один Дом ребенка на 100 мест. Существовавшие дошкольные учреждения могли принять только одну пятидесятую часть всех ребятишек города. Кроме того, имелись школа для глухонемых на 50 человек и дом для беспризорников, вмещающий около 500 сирот» [3, с.117]. На Втором краевом съезде Советов Сибири 5 апреля 1927 г. крестьянка Канского округа М.Г. Козлова, отмечала, что в деревне большое желание учиться, но встречаются большие затруднения. Строят крестьяне школу, на свои средства вывозят лес. В крайисполкоме говорят: «Отсюда нельзя брать лес на школы, надо покупать! Земля крестьянская, а лес покупайте обязательно» [2, с.39]. Такие условия в строительстве социальных и культурных учреждений встречались нередко, довольно часты примеры по обеспечению всем необходимым за счет собственных народных средств.

В Сибирском крае, как и в стране в целом, советской властью вводилось всеобщее образование, были разработаны планы ликвидации неграмотности. Одним из критериев доступности образования являлось социальное положение. В статье газеты «Восточно-Сибирская правда» рекомендовалось: «В первую очередь надо поставить перед собой задачу 100 %-го охвата детей колхозников начальным обучением» [4, с.3]. Для «кулаков» и их детей было недоступным высшее и специальное образование. К примеру, Омский государственный институт, давший свое объявление в «Восточно-Сибирской правде», набирал на обучение только рабочих, батраков, крестьян-бедняков, колхозников [5, с.4].

Избранность данных слоев объяснялась не столько необходимостью обучения новых кадров для развития и расширения производства, сколько целью укрепления советской власти через создание ее сторонников. «Вовлечь в заочное обучение 30 000 колхозников, бедняков и середняков. Это дало бы тысячи крепких бойцов за социалистическую деревню... Между тем колхозник и рабочий совхоза представляют из себя наиболее подходящий материал для подготовки агронома, техника, организатора и плановика...», – писала газета [6, с.2]. Данные проблемы пытались решить с помощью массового распространения литературы, особенно в глубинках Сибирского края, вдали от центральных городов и сел, в деревеньках. Начиная с 20-х гг. XX в., была введена должность «книганоши»- люди, которые распространяли литературу по селам и деревням, отдаленным от школ и вузов. Этому свидетельствовала статья в газете «Советская Сибирь»: «Есть такие деревни, где нет ни школы, ни избы-читальни... где не получают ни одной газеты... где вообще свирепствует темнота и изобилует самогон. Но тяга к книге есть, население, принимало хорошо...» [7, с.10]. Исходя из этого, можно отметить, что интерес у населения к образованию и культурному росту имелся, желание обучаться присутствовало.

Но значительным оставалось число деревенских ребят, не обучавшихся в школах. В Иркутском округе в сельских школах на 1 января 1926 г. обучалось лишь 50 % детей школьного возраста, в селах Тулунского округа – 36,8 %, Канского – 43,2 % [8, с.19]. Школа первой ступени в Сибири, так именовали начальную школу, по словам А.Я. Гольшева, имела особые трудности: «Школа первой ступени охватывает на 1 января 1925 г. 28,6 %. Процент не только низкий, но низок и по сравнению со средним процентом охвата детей школьного возраста от 8 до 11 лет в общереспубликанском масштабе. Так, школа первой ступени в общереспубликанском масштабе охватывает ребят от 8 до 11 лет на 50 %, а в Сибири – только 28 %..» [1, с.60]. Такие данные говорят о культурной отсталости сибирской деревни. Для преодоления этого местным органам власти необходимо было уделять большее внимание на постепенное привлечение и увеличение процента охвата детей крестьян школой первой ступени.

В деле ликвидации неграмотности среди взрослого населения местные органы власти также сталкивались с трудностями. Как отмечалось на съезде Советов Сибири в 1925 г.: «На первое место необходимо ставить ликвидацию неграмотности взрослых. В 1922 г. В Сибири существовало 348 пунктов по ликвидации неграмотности. В 1870 пунктах по ликвидации неграмотности обучили 60 тысяч неграмотных. В 1924–1925 гг. в Сибири стало 3289 пунктов, в которых обучилось 112 тысяч неграмотных» [1, с.63]. В декабре 1925 г. уже был образован отдел народного образования Сибкрайисполкома. В задачи крайоно входило организационное руководство сетью школ, учебными заведениями, готовящими кадры для народного образования, учреждениями по борьбе с беспризорностью, по охране детства и дошкольному воспитанию, а также всеми политехпросветучреждениями, руководство строительством школ и культурных учреждений. Отдел подразделялся на подотделы: административно-организационный, социального воспитания и политического образования детей, профессионального образования, политико-просветительный, совет по просвещению национальностей нерусского языка, по делам литературы и издательств, по делам музеев, охраны памятников природы, искусства и старины. При крайоно были учреждены плановое совещание, методический совет, политико-просветительный комитет, комиссии по делам о несовершеннолетних, по охране природы, группы по дошкольному воспитанию, детских домов и др. [9, с.1–20].

В 1926–1927 гг. стояла задача обучить до 250 тысяч неграмотных путем увеличения ассигнований на всеобщее образование в Сибирском крае. Неграмотность деревни процветала, как было отмечено в «Крестьянской газете»: «Безграмотность – самый страшный бич деревни» [10, с.7]. Ликвидация неграмотности взрослого населения, то есть людей в возрасте от 18 до 35 лет, являлась первостепенной задачей местных органов власти. Так как этот возраст призван принимать активное участие в хозяйственном и политическом строительстве.

Основы перспективы по улучшению работы в сфере народного просвещения были на 1926–27 гг. положены в резолюцию по докладу о народном просвещении в Сибири. Еще на Первом краевом съезде Советов Сибири были отмечены определенные достижения в деле народного образования Сибири, выразившиеся: « а) в укреплении сети просветительных учреждений и улучшении их материального положения; б) повышении зарплаты учительству; в) увеличении процента охвата детей начальной школой и усилении работы по ликвидации неграмотности; г) укреплении связи с местными и низовыми просветительными учреждениями..» [1, с.215], но, как показала история, уже на Втором краевом съезде Советов Сибири 1927 г. было отмечено, что данные резолюции не оправдались.

Задачи ликвидации неграмотности окружные органы власти решали путем организации специальных пунктов для малограмотных, самообразовательной работы в избах-читальнях, организации кружков читки специальных газет, литературы для малограмотных. Особого внимания заслуживает, по мнению автора, организация и работа изб-читален. Особую роль они играли в деревне, должны были опираться на советскую общественность, чтобы вся культурно-просветительная работа в деревне была тесно связана с ней. Она ведала вопросами об издании и продвижении книг в деревню. В избах-читальнях существовала должность-«избача» [10, с.1]. Как отмечалось в редакции «Крестьянская газета», основными задачами избы-читальни были: «Борьба с темной неграмотностью в деревне; выдача крестьянству точной и понятной ему справки, привлекать все культурные силы деревни» [10, с.1]. Причем все партийные и советские работники должны принимать активное участие в работе справочного материала и избы-читальни в целом. Опираясь на резолюцию по докладу о народном просвещении Сибири, съезд отмечал: «Избы-читальни, завоевавшие себе прочное место в деревенской работе, должны взять решительный курс на качество работы. Объединяя всю политико-просветительную работу в деревне, они должны в первую очередь оказывать помощь крестьянству через справочные столы, чтение, беседы и организацию сельскохозяйственных кружков и военных уголков» [1, с.217].

С 1928–1929 гг. работа по ликвидации неграмотности развернулась как массовый культпоход, возглавляемый комсомолом. Выступивший на Алтайской губконференции РЛКСМ с приветствием от Сибкрайкома РЛКСМ товарищ Соболев заметил: «Вы должны сделать советскую власть самой популярной властью в деревне. Комсомол есть и будет боевым звеном цепи смычки» [3, с.6]. Государство, вооружив население постановлениями и планами, делало ставки на общественный подъем, и во многом это оправдалось. Увеличение местных бюджетов позволило обеспечить количественный рост школ, числа учеников в них, поднять уровень грамотности населения, что хотя и медленно, но всё же формировало культурно-образовательную базу для вовлечения населения региона в процессы индустриального строительства. Но к концу нэпа достичь «поголовной грамотности» так и не удалось.

Таким образом, в годы существования Сибирского края (1925–1930 гг.) постепенно удалось создать инфраструктуру для осуществления позитивной тенденции развития всеобщего просвещения и культуры, но

непоследовательность внутренней политики, идеологические установки усиливали внутренние противоречия, оказывали влияние на судьбу населения Сибири.

Работа местных органов власти по развитию просвещения и культуры являлось чуть ли не одним из важнейших направлений внутренней деятельности. В частности, основные проблемы по преодолению отсталости в культурном плане и просвещении заключались в низкой дотации центральными органами власти Сибирского края. Нехватка средств вела к появлению проблем в строительстве вузов, школ различной категории, детсадов, детдомов, клубов и т.п. Что касается сельской местности, то на данных территориальных уровнях в большинстве своем оставалась процветать неграмотность и низкая культура. Позитивные сдвиги имели место, но они были неповсеместно.

Литература

1. Первый краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.): стенограф. отчет. Ч. II. – Новосибирск, 1993. – 257 с.
2. Второй краевой съезд Советов Сибири (1–6 апреля 1927 г.): газетные репортажи и документы. – Новосибирск, 1991. – С.39.
3. Бердников Л.П. Вся Красноярская власть: очерки истории местного советского управления и самоуправления (1917–1993). Факты, события, люди. – Красноярск: Кн. изд-во, 1996. – С.117; Советская Сибирь. – 1925. – № 1.
4. Восточно-Сибирская правда. – 1930. – № 12.
5. Власть труда. – 1930. – № 10.
6. Восточно-Сибирская правда. – 1931. – № 3.
7. Советская Сибирь. – 1925. – № 100.
8. Осуществление ленинской программы культурной революции в Восточной Сибири (1926–1936 гг.): метод. рекомендации в помощь лектору / сост. В.М. Кадневский. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1973.
9. ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 1-20.
10. Крестьянская газета. – 1925. – № 61; 1928. – № 45.

